Иосиф Варейкис.

Социализм

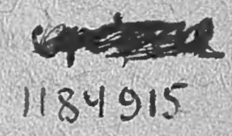
и

Трудовая Повинность.

Издание Симбирского Агитационно-Организационного Отдела, при Губкоме Р. К. П.

Симбирск, типогр. С.П.Х. № 3. 1920 г.

СОЦИАЛИЗМ
И
ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ

Влияние иллюзии.

Переходя к строительству социалистического хозяйства, наша партия столкнулась с многими новыми вопросами, ранее совершенно не стоящими конкретно, практически перед ней.

Обобществление средств производства, национализация промышленности и банков, экспроприация земельной собственности и переход к строительству крупного социалистического земледелия, монополия большинства сельско-хозяйственных продуктов и переход от товарных рыночных форм обмена к коммунальному распределению, все это, создавшее новые хозяйственные формы пролетарского государства, потребовало и новой организации рабочей силы. Рабочая сила есть основа каждого производства, она еще в большей степени играет важную роль при социалистическом производстве, где от степени его развития зависит благополучие всего общества. Вполне понятно, что как только перед нашей партией встали вопросы социалистического строительства, встали и вопросы организации рабочей силы.

Без организации рабочей силы, отвечающей производственным формам и общественным потребностям, не возможно строительство социализма. Социалистические методы организации труда на первых порах неизбежно сталкиваются с значительными препятствиями. Препятствия эти заключаются в том, что рабочий класс при капитализме приобретает известные привычки, навыки. Будучи товаром, (рабочая сила находится в обращении на капиталистическом рынке на одинаковых правах со всеми товарами), он воспринимает все особенности „свободного“ рынка, регулируемого, скрытыми от внешнего взора, законами капиталистического производства. Таким образом, очарованный „свободным“ рынком, рабочий, оказывается в плену иллюзии, и тогда ему кажется, что будто бы он сам, рабочий, тоже свободный и независимый человек, могущий по своему усмотрению, по собственной воле распорядиться своим товаром—рабочей силой. Но это только одни иллюзии. При организации рабочей силы, по принципам социалистического общества, эти, по существу бессодержательные, иллюзии становятся значительным тормазом, поэтому для того, чтобы достигнуть необходимых результатов, нужно устранить, разрушить их, как разрушали буржуазно-демократические иллюзии в других областях.

Раньше этот вопрос имел несколько отвлеченный характер, он был больше достоянием теоретических суждений сторонников исторического материализма; в настоящий момент практическое революционное действие рабочего класса, в числе во-

просов социализма, ставит во всей широте и данный вопрос об уничтожении всех реакционных пережитков, неустраненных переходом политической власти в руки пролетариата, мы говорим об идеологической реакции, язвами которой покрыт и пролетариат, живущий при капитализме.

Материальное классовое рабство, порождаемое в буржуазном обществе капиталистическим способом производства и частной собственностью, создает также могущественное идеологическое рабство, цепи которого не менее крепки, чем цепи материальные. Экономической материальной зависимости рабочего класса, от класса буржуазии, соответствует и идейная зависимость его сознания. При господстве буржуазии, буржуазные идеи, в своем большинстве выступают, как „всеобщие“; они подчиняют сознание других классов, в том числе, разумеется, их влиянию поддается и пролетариат. Конечно, пролетариат воспринимает их совершенно иначе чем, например, крестьянин или средний интеллигент, отсюда они получают различное выражение, но все это не умаливает того общего факта, что ни одна группа и класс не может избавиться от влияния господствующих идей.

Материальные основы частной собственности, своеобразный характер внешних процессов товарного рынка, где господствует голый чистоган и эгоистическая тенденция конкуренции, наконец, внутренняя обособленность, существующая в современной индивидуальной семье, все это в своей обще-комбенированной форме, в течение многих лет, приобре-

тает историческуюсилу и превращается в источник, которым напитывается внутреннее содержание психологии, живущих в данных условиях людей. Поэтому и пролетариат, будучи полной противоположностью буржуазии, все же сам далеко не чужд ее предрассудков. Есть очень много субьективных сторон, которые сформированы буржуазией, и которые, обладая реакционной косностью, связывают пролетариат. Опыт социальной революции показывает, что об'ективно-исторически развиваясь по революционному пути, захвативший власть и перешедши к строительству социализма, пролетариат еще долгий период будет носителем унаследованных старых капиталистических привычек, собственнических тенденций, религиозных и моральных предрассудков, одним словом он не в силах сгладить сразу все признаки того идеологического хлама, в котором жил целые столетия.

После свержения буржуазии и превращения частной собственности на орудие производства в общественное, понадобится большой период, где в новых общественных отношениях и условиях пролетариат сможет изжить идеологическое наследство буржуазного общества.

Для нового общества нужен новый человек, с новой психологией и моралью. Современный пролетарий при всей его об'ективной исторической революционности, еще далек от совершенства. Выращенный в парниках частной собственности и оранжереях буржуазии, он нуждается в радикальном изменении природы собственной идеологии. Поэтому

в борьбе за социализм, катясь целым классом неудержимой силой вперед, он в отдельности часто хромает. Колодки идеологических цепей спутывают его ноги и задерживают, а иногда на них он и спотыкается. „Мертвый тащит живого“.

Социализм возможен, только после того, когда „мертвецы“ окажутся бессильными тащить живых, быть реакционным препятствием общественного развития. Чем скорей от них избавится пролетариат, тем скорей наступит царство социализма. Вслед за разрушением материальных сил буржуазии, пролетариату необходимо направить свое могучее оружие против китайских стен идеологической наследственности. Самые „прекрасные“ иллюзии собственности представляют собой худшую реакцию, ибо они отвлекают массы от действительности. Идеализируя действительность, они замаскировывают лежащие противоречия и тем самым нарушают иногда революционную логику классовой борьбы.

Революционная эпоха буржуазии, устами великих просветителей и утопистов 18-го столетия, и подвигами деятелей великой французской революции, создало в мечте идеализированное общество, с величайшими демократическими принципами свободы, равенства и братства, но в действительности, то что они предвещали, чего являлись пламенными борцами и пророками, оказалось ничем иным, как таким-же классовым рабством, как и предыдущие эпохи, где господствуют мораль и право буржуа-собственника. При высшей буржуазной демократической республике, о которой проповедывали, как о

высшем общественном идеале философы и общественные деятели 18-го столетия, „право“ оказалось—правом на частную собственность, „свобода“—свободно капиталистам распоряжаться рынком и „свободно“ эксплоатировать кучкой узурпаторов миллионные массы, для пролетариата-же никакой свободы совершенно там не существует, за исключением одной, это свободно умирать с голоду. Но было время, когда эти ложные иллюзии, обольщали и захватывали рабочих. Они вели их на штурм Бастилии в азиатские и африканские пустыни, наконец эти же иллюзии, подхваченные в новом тоне „социалистами“ второго интернационала, привели к мировому побоищу 14-го года, где истреблялся лучший цвет рабочего класса,—и сила международного социалистического движения. Это было величайшее предательство, когда под прикрытием национальных иллюзий европейский пролетариат проливал свою кровь, за право обладать буржуазии, Индейскими колониями, Тихоокеанскими гаванями, Египтом, азиатским рынком, балкано-турецкими проливами и выгодными торговыми договорами. Мировая война показывает насколько еще сильны бывают буржуазные иллюзии, даже в тот момент, когда пролетариат уже достигает большой политической самостоятельности и классового самосознания. Поэтому партия, стоящая в авангарде пролетариата и ведущая его по пути революционной борьбы, должны бороться самым решительным образом, со всеми иллюзиями буржуазии. Она должна срывать их для того, чтобы убедить пролетария, в необходимости совершенно отмежеваться

от идеологического наследства буржуазии. Пока рабочий класс не владеет государственной властью, война с иллюзиями, с идеологической реакцией бесцельна, она даже невозможна, но как только власть переходит в его руки, первой задачей будет—изменение его природы.

Он и в целом как класс и в отдельности должен пришлифоваться к новым формам социалистического общества. Как обнаруживая законы своего исторического развития, он берет на себя организационную миссию в этом процессе, так и в борьбе со старыми психологическими пережитками и оставшимися иллюзиями, он обязан взять на себя организационную роль эмансипатора.

„Свобода" рабочего при капитализме.

Текущие задачи русской социальной революции, поставившие нас перед необходимостью создания новой организации рабочей силы, заставляют нашу партию направить свое оружие против всех буржуазных иллюзий и в данной области имеющих ещё значительное влияние на пролетариат. Поэтому необходимо рассмотреть общественное положение рабочих в капиталистическом обществе и особенно их отношение на рынке и в производстве к капиталисту, собственнику орудия и средств производства.

Различные мелко-буржуазные, анархические элементы, поддерживаемые отчасти эсерами и меньшевиками, подпираясь костылями своих убогих доводов,

ведут—агитационную компанию против постановлений 9-го с'езда Р. К. П. и 3-го с'езда профессиональных союзов, о б н е о б х о д и м о с т и введения трудовой повинности для всех как необходимой системы, при строительстве социализма. Выступая против трудовой повинности, они стараются, свою позицию обставить проволочными заграждениями научной теории, при чем в надежде, что это поражает убийственным образом теорию и практику социалистического строительства Советской России. Атаки мелко-буржуазного мещанского анархизма, для нас не новость. Такая позиция, есть необходимое логическое последствие всей той „архи-революционной", а по существу явно реакционной, тактики в области политики и экономии, развиваемой ими с момента собственного появления на белый свет. К анархистам без полного ущерба, для истины можно прибавить и всех эсеров, позиция которых на практике оказывается ничем иным, как разновидностью мелкой буржуазной идеологии и собственнических тенденций крестьян, особенно их болей имущественной части. Теория эсеров это осколок анархизма с индивидуалистической закваской. Другую позицию к трудовой повинности они и не могли занять.

Но вот появление в лагере противников меньшевиков, бывших последователей экономической теори Маркса, служит как бы „сверх программной" новостью. По истине „гора родила мышь".

Отрицая этот лозунг они отрицают свое первородство т. е. теорию научного социализма, последователями которого, к великому несчастью они были

раньше, а выступая рука об руку с анархо-эсерами, идеологами мелко собственнических групп, меньшевики обнаруживают свою родственность с ними, не будь родства, такого влечения не было-бы. Своей позицией по отношению к трудовой повинности, меньшевики докапывают и доводят до конца границ ей той глубокой пропасти, какая легла между их практикой и теорией и практикой и теорией научного социализма, соответственно которой рабочий класс и пролетарские слои, крестьянства строят свое социалистическое государство. Мало того, что эти все наши противники, обнаруживают полное непонимание социализма, но они даже не способны понять производственные отношения при капитализме, когда защищают так называемую „свободу труда". Рабочий класс в целом, а также и отдельный рабочий, при капитализме никогда не был свободным и не может быть. Он находится в полной материальной зависимости, от класса капиталистов, владельца орудия и средств производства. Материальная зависимость же по существу есть нечто иное, как трудовая повинность, которую выполняет рабочий для буржуазии, и будучи в такой зависимости, рабочий не может быть независимым в приобретении (в производстве) материальных благ необходимых для своего существования. Эта рабская зависимость обнаруживается как только рабочий появляется на рынке, где он продает свою рабочую силу капиталисту—промышленнику. „Собственник рабочей силы и собственник денег встречаются на рынке и вступают между собой в сделку, как равноправные товаровладельцы, раз-

личающиеся лишь тем, что один покупает, в то время, как другой продает, следовательно, как юридические равные лица“. [1]) Но это только мнимое внешнее, кажущееся на первый взгляд равенство, но всматриваясь ближе, обнаруживается совершенно обратное.

На товарный рынок рабочий появляется, уже с определенным убеждением продать свою рабочую силу или свою работоспособность, под этим понимается совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает конкретный организм, данная личность человека и которые пускаются ими в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости. Таким образом, товар рабочего не отделим от самого рабочего и продавая его он продает самого себя. Рабочий продает свой товар, только на определенное время, потому что если бы он продал навсегда, то бы продал бы вместе с тем и себя и превратился бы из свободного человека в раба и из товаровладельца в товар. [2]) Как личность говорит дальше Маркс, он постоянно должен сохранять отношения к своей рабочей силе, как своей собственности, как к своему товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он предоставляет покупателю пользоваться своей рабочей силой или потреблять ее лишь в течение определенного срока, следовательно поскольку он отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на нее. [3]) На рынок, выносит рабо-

1) К. МАРКС «КАПИТАЛ» том I-й страница 142.
2) К. МАРКС «КАПИТАЛ» том I-й страница 143.
3) К. МАРКС там-же.

чий свою рабочую силу, не из-закаких-либо „маральных побуждений к трудолюбию“ или желая пополнить золотой мешок капиталиста, он выброшен на рынок потому, что при капитализме он лишен возможности продавать товары собственного труда. Для того, чтобы иметь такую возможность нужно быть собственником обладателем всех необходимых для того средств производства и кроме того материальные средства существования.

„Никто, даже мечтатель, создающий „музыку будущего“ не может жить продуктами будущего, не может жить на счет потребительных стоимостей, производство которых еще не закончено; с первого дня появления своего на земном шаре человек должен потреблять ежедневно, потреблять прежде, чем он начнет производить, и в то время, как он производит“. [4]) Находясь в таких экономических отношениях, рабочий оказывается далеко несвободный. Он располагает одним только средством рабочей силой, но которая без применения к материи, не может стать источном необходимых средств существования. Остается единственный выход, взамен средств существования, отдаться в распоряжение владельцев производства. Заводы, фабрики, рудники, шахты, африканские золотые россыпи и гористая поверхность Калифорнии, заполняются худыми угрюмыми тенями миллионов рабочих, которые в поисках за работой, как в века великих переселений народов, тысячами эмигрируют, перекачовывают с одной части света на другую. С внешней стороны,

4) К. МАРКС «КАПИТАЛ» том I-й страница 144.

все это кажется свободной волей их самих, но пусть любой сторонник этой „свободы на труд“ заглянет в душу рабочего, пусть он сложит те проклятия стоны и жалобы, какими наполняются не только заводы, фабрики и рудники, во время работы, но от них рабочий никогда не свободный. Эти проклятия, „свободе труда“ при капитализме несутся еще больше когда рабочий приютившийся где нибудь в подвале Лондона, Парижа и Петербурга, садится за свой скудный завтрак, состоящий из черствой корки хлеба, тогда как тот у кого он работал и кому „свободно продал свой труд“, помещается в роскошных особняках и питается, разумеется, не корками. Проклятия „свободе труда“ возрастают, сотни раз, больше, когда разражается промышленный кризис, и появляются тысячи безработных рабочих.

Адвокаты буржуазии, где же сила ваших аргументов, могущая доказать „независимость“ и „свободу на труд“ при капитализме? Нет их. Все те кто выступает против „трудовой повинности“ в условиях рабочего государства, втирают очки рабочему классу. Они выступают против трудовой повинности перед социализмом, чтобы сохранить трудовую повинность для капитализма. Какой бы „свободной“ фразой не прикрывались господствующие классы, рабская зависимость налицо, она испытана пролетариатом в период предыдущего исторического господства буржуазии. „Когда с рынка, где покупается рабочая сила“ бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним, как его рабочий, один многозначительно посмеивается

и горит желанием приступить к делу, другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дублить. [5]) За капиталистом понуро идет не один рабочий, а за классом капиталистов, для эксплоатации, для дубления, шествует понуро, класс рабочих. Где же здесь хваленая „свобода“, ее нет, это одни иллюзии и обман, а тот кто их поддерживает, тот является прямым обманщиком рабочих и служит делу эксплоататоров. Как при буржуазной демократии, вместо воли народа, господствует только диктатура капиталистов и банкиров, так и в области экономических отношений существуют не свободные отношения, а прямая зависимость пролетариата от буржуазии.

Труд в рабочем государстве.

Труд при капитализме, это курица, которая несет золотые яйца буржуазии. Он товар, потому что продается на рынке и бирже, он отличается от холста и колбасы лишь тем, что измеряется не аршинами и фунтами, а временем, т. е. рабочими часами. Труд при капитализме наемный—это значит, что владелец средств производства не сам работает, а нанимает для того рабочего, неимущего пролетария. Наемный труд, потребляясь капиталистом, как приобретенный на рынке товар, производит для капиталиста новую стоимость — товар. Он есть источник обогащения капиталистов, следовательно

5) К. МАРКС «КАПИТАЛ» том I-й страница 152.

наемный труд применяется не с целью производить общественно-необходимые продукты, а с целью увеличения капиталистом товаров и их меновой стоимости. Капиталистическое производство есть исключительно процесс обогащения буржуазии продуктами наемного труда, на счет стоимости рабочей силы, поэтому становятся вполне ясными те причины, которые вызывают мрачность на понуром лице рабочего, когда продавши свою рабочую силу, он идет с рынка за капиталистом к месту производства.

В этот момент у капиталиста, купившего рабочую силу на определенные часы, одна цель:—как можно больше эксплоатировать ее. Капиталистическое производство происходит на основе эксплоатации пролетариата—буржуазией. Рабочий совершенно отделен от предмета своего труда, он только выполняет определенные функции, создает его стоимость, сам-же продукт труда, принявший форму товара, принадлежит капиталисту. Все, что производит рабочий класс, все это забирает себе буржуазия, а рабочий класс получает взамен рабочую-плату, т. е. такую денежную сумму, какая необходима для приобретения средств к существованию и продолжения его собственного рода.

Производство при таких общественных условиах есть частное дело капиталиста. Рабочий, будучи с одной стороны золотоносным источником, сам находится вне этой сферы. Он только работает, а буржуазия берет и обогащается.

Революция, изменяя политическое господство классов, совершенно изменяет и условия производ-

ства. Переход государственной власти в руки пролетариата передает и весь механизм данного государства, всю эту общественную машину.

За политическим господством, следует и экономическое господство. Банки, заводы, железные дороги, крупные торговые фирмы национализируются, т. е. об'являются общественным достоянием и на место комитета акционеров-банкиров ставится комитет рабочего государства. С этого момента характер производства меняется, из частного капиталистического оно становится общественно-потребительским. Интерес товаровладельца гибнет вместе с самим товаровладельцем и здесь выступает интерес потребителя. При товарном производстве, производитель был одно лицо, потребитель другое, их взаимоотношения складывались на рынке, там происходило их знакомство, но это происходило на короткий момент, один продает, другой покупает и снова они расходятся в разные концы, один производит новые товары, другой потребляет приобретенное на рынке. В рабочем государстве, каким, например является Советская Россия, производитель и потребитель об-единяется в одном лице.

Комитет рабочего государства, например, совнархоз с его отделами „главками“ и „центрами“ управляет всей национализированной промышленностью, другой такой-же комитет, (Наркомпрод), выделенный государственной властью, занимается распределением произведенных продуктов потребления, между темже классом рабочих, который их же производит. С совмещением производителя с

потребителем в одном лице, частный рынок становиться не нужным. И он уничтожается. Его функции замирают, как только товарное производство сменяется производством общественно-необходимых средств существования. „Свобода торговли“ уступает место коммунальному равному, (для трудящихся) распределению, в то время как при „свободе торговли“, при купле и продаже равенство не мыслимо. Там богатый всегда сумеет купить больше, чем бедный. Правда, мы наблюдаем в настоящий момент некоторое нарушение нашей теории коммунального распределения; с одной стороны распределение, а с другой— почти что в каждом городе существует рынок, где происходит бешеная спекуляция. Существующая двойственность, по существу ничего не меняет и ни какого ущерба не наносит социалистическому хозяйству.

Остатки „свободного рынка“, являются вполне естественными, особенно в момент обнищания, последовавшего после империалистической и гражданской войн. Разрушенная промышленность при самом целесообразном и продуктивном использовании не способна удовлетворить все общественные потребности страны. Потребности выше производственной способности. Эта пустота дополняется рынком, не потому, конечно, что „свободный рынок“ больше дал бы, а потому, что есть еще такие отрасли производства, мелкие кустари, ремесленники крестьяне которые и снабжают продуктами через частный рынок потребителя, к этому еще присоединяется спекуляция теми, скрытыми от национализации и го-

сударственного учета товарами, которые спускаются теперь тайком на рынке. Все эти экономические явления есть лишь пережитки капитализма и общей разрухи. Социалистическое хозяйство совершенно не нуждается в частном рынке, по мере его развития эти большие базарные площади, переносившие в века миллионы человеческих ног, зарастут травой или застроятся дворцами труда и искусства.

В рабочем государстве совершенно меняется и положение рабочего. Его труд утрачивает свою товарную форму и остается лишь необходимой рабочей силой для производства средств существования его собственного личного и содержание его государства. Рабочий не отделяется, как это было раньше, от предмета своего труда и становится его владельцем. Таким образом уничтожается материальная зависимость от класса капиталистов и рабочий остается зависимым только от потребностей собственного класса. Он становится зависимым от законов равенства, от исторических задач, которые встают в целом перед рабочим классом. А такая зависимость есть не результат порабощения какого либо класса, а необходимость его собственного существования, его бытия.

На первых ступенях развития социалистического хозяйства остается еще очень много внешнего сходства в положении рабочего с тем положением, в каком он находился раньше. Существование денежного обращения хотя и сведено на степень расчетных операций, оплата денежными знаками рабочей силы придает труду видимость наемного

труда, при котором рабочий был заинтересован только в рабочей плате. Этот, оставшийся еще денежный расчет является весьма большим реакционным препятствием, в развитии у рабочих социалистического сознания и отношения к производству, поэтому цель нашей партии стремиться скорей перейти *к натурализации заработной платы и к уничтожению всех остатков денежного обращения.* Натурализация заработной платы явится стеной, которая при своем появлении ляжет между товарным и социалистическим производством. Частично уже переходят к этому, так, например, те предприятия, где выдается в числе заработной платы часть продуктов, гораздо охотнее наполняются рабочими. Произвести сейчас полную натурализацию заработной платы экономически невозможно, ибо рабочее государство не имеет такого точного учета и соответствующего количества продуктов, сконцентрированного вокруг производства. Но к этому мы идем быстрыми шагами и с поднятием производительности, старая система денежных расчетов будет отмирать. Наемный труд, форма которого сохраняется на первое время в социалистическом хозяйстве, является совершенно не тем, чем он бывает при капитализме, подобно тому, как диктатура буржуазии отличается от диктатуры пролетариата. Он нанимается, чтобы производить не для буржуазии, а для себя и нанимается, если уместно выражаться в данном случае старым термином, у рабочего правления, которое продукты его труда передает целиком для распределения между

производителем. Поэтому всякому становится ясным, что старые формы наемного труда, при социалистическом производстве, есть пустая общественная ветошь. Это не яйцо, а только одна скорлупа, иногда вводящая в заблуждение простодушного человека. Это старые знамена, прикрывающие собой новые исторические силы. Наемный труд при социализме немыслим, ибо он есть продукт товарного производства, он основан на материальном рабстве. Уничтожая рабство, уничтожается и наемный труд. Материальная общественная потребность создает *общественно необходимый труд*. Он становится долгом каждого желающего жить. Этот общественно необходимый труд при социалистическом государстве, особенно на первых этапах своего развития, превращается *во всеобщую трудовую повинность* и следовательно выступление против трудовой повинности, есть ничто иное, как выступление против *трудового равенства*.

А вас господа, выступающих против трудового равенства, мы хорошо знаем!

Трудовая повинность.

Проведение всеобщей трудовой повинности, становится исторической задачей пролетариата, как только переходит власть в его руки. Учет общественных средств производства и организация промышленности, должны дополниться точным учетом рабочей силы страны и организованным распределением ее, по производству. Снабжение рабочей силой

промышленности и земледелия, при социалистическом производстве, задача чрезвычайно сложная и трудная, особенно в первой стадии. Здесь нужен строжайший учет и общий план. Если капиталист, с точки зрения—эксплотатора заинтересованного в производстве прибавочной стоимости, используя рабочую силу руководится собственной алчностью, все же старается применить ее, как можно с большей выгодой, то пролетариат будучи сам рабочей силой, должен создать такую организацию труда, при которой, с одной стороны, все люди данного государства, выполняли трудовые обязанности, с другой стороны, чтобы их труд был производительным трудом. Для современного момента, подходящей формой такой организации может быть только трудовая повинность. С принципиальной—стороны, она безупречна, так как означает собою равенство всех перед трудом. Она не допускает исключения никому, за исключением тех инвалидов, которые и в капиталистическом обществе находились на обеспечении государства, или жили подачками уличной нищенской филонтропией. Теоретически трудовая повинность—необходима, в целях уничтожения паразитических элементов общества, снабжения рабочей силой промышленности и распределению ее, в зависимости от потребности, но это еще больше, обусловливается теми историческими условиями, в каких оказалась социалистическая Россия. Мировая война разрушая промышленность разрушила и расточала рабочую силу. Громадные мобилизации, самой цветущей части рабочих и крестьян, уничтожение их во время войны,

привели к большому ослаблению рабочей силы, даже в международном масштабе. Европейская буржуазия — имевшая всегда в своем распоряжении „резервную армию промышленного пролетариата“, выражает опасение, что теперь, для восстановления мирного производства, не хватит рабочей силы.

В России дело обстояло еще хуже, война здесь оказала еще большее разлагающее влияние, поэтому когда мы подходим в настоящий момент к строительству социалистического хозяйства, с рабочей силой приходится быть, черезвычайно экономным. Для Советской России, как для страны рабочей диктатуры, в большинстве своем, социалистического хозяйства, есть выход—это трудовая повинность. Капиталистической же Европе, при самой активной помощи желтых профессиональных союзов, придется переживать кризис с рабочей силой. Ввести трудовую повинность английские или французские капиталисты не могут; это означало бы „государственное рабство“. Выполняя такую повинность, рабочий выполнял бы буржуазную барщину.

В данном случае вполне прав французский социалист Довге (один раз разумную—вещь сказал) когда в ответ на примеры приводимые, лакеями французской биржи, на страницах некоторых газет, писал, что „буржуазия указывает на примеры организации труда в Советской России, но что применительно в Советской России, то совершенно невозможно в буржуазной Франции“. Трудовая повинность возможна, только в Советской России, ее может ввести лишь Советская власть. Так же как

правительство Мильерана не может провести социализма осуществляемого Советским правительством России, оно не может ввести и трудовую повинность.

Осуществляя трудовую повинность на деле важно, не столько принцып, сколько практические организационные мероприятия. В строительстве народного хозяйства, Советской России частично уже проводится трудовая повинность, но пока, что от этого получились очень незначительные результаты. Об'ясняется это исключительно, отсутствием определенного, систематического плана приспособленного к потребностям производства. Например, ни кто не будет придавать серьезного значения, с точки зрения социалистического хозяйства, такой трудовой повинности, как проводилась до настоящего времени, по отношению к жителям городов, когда их мобилизовали для очистки улиц. Тут без всякой, сортировки, согнанные в кучу, как стадо баранов, без всякого предварительного подбора и подготовки толпятся на одном месте человек десять разного возраста и профессии.

Труд их оказывается, разумеется, не продуктивным . Можно указать еще ряд примеров, из нашей революционной практики, где такая трудовая повинность не даст никаких результатов. Но по моему, такую случайную форму, нельзя брать за исходную точку, а необходимо разработать по общегосударственному плану, строгую систему. Трудовая повинность—эта организация труда и поэтому важно не то как провозгласить ее, а как провести и осуществить на деле. Проводить трудовую повинность надо

начать с учета, прежде всего, необходимо, сделать точную обще-республиканскую трудовую перпись и перепись по квалификации труда (по профессиям). В первую очередь регистрации подлежат те, кто постоянно не работают, в каких либо производственных промышленных предприятиях, а занимаются домашней работой, спекуляцией и т. д. После привлечения всех этих элементов, смотря их по работоспособности к труду, выступает вторая задача "целесообразного распределения, находящихся в промышленности рабочих". Тут профессиональные союзы, совместно с хозяйственными государственными органами, должны приступить к передвижению квалифицированных и простых рабочих, из одного промышленного предприятия в другое, перебрасывать рабочих из одной области в другую область, т. е. необходимо регулировать рабочей силой соответственно появляющемуся на нее спросу, в той или иной области промышленности. Первоначально эта работа будет сопряжена с громадными препятствиями. Рабочий, работая в данном районе, территориально прикрепляется к нему, заводит имущество, строит домик, у него семья, которая тоже ложится на плечи. И он превращается в „оседлого" человека в территории того завода или фабрики, на которой работает. Так например, через несколько лет построенный завод облепляется городком ниских деревянных лачуг, принадлежащих в большинстве таким рабочим, но такие препятствия будут встречаться только первое время. По мере того, как будет улучшаться жилищный вопрос, и лачужки заменятся светлыми об-

щественными квартирами, а нетрудоспособных членов семьи возмет содержать и воспитывать общество, рабочий сможет быть черезвычайно легко передвинуть, с одного предприятия в другое.

— Но позвольте, скажут меньшевики, вы говорите, повидимому, об условиях отдаленного будущего, а трудовую повинность с такой „насильственной эмиграцией вы вводите теперь“. Такие возражения вытекают часто из не понимания обстоятельства. А разве при капитализме рабочий не совершал „эти кочевые рейсы“ из одной области промышленности в другую, из района—в район. При капитализме рабочий находился в большом передвижении, потому что, там в производстве господствует анархия и постоянное колебание, часто приводящие к полному кризису, а кризисы вызывали „целые переселения народов“ (трудящихся) из одной страны в другую, такие переходы при капитализме, рабочий совершал в интересах капиталистов. Он уходил оттуда, где переполнялся рынок рабочей силой и появлялся услужливо, там где появлялась на нее потребность. В передвижениях рабочими, при социалистическом хозяйстве заинтересован сам рабочий класс, он только таким путем сумеет успешно поднять материальный уровень собственного благосостояния. Но пока это ясно не поймет каждый трудящийся страны, и не убедится, что в некоторых случаях интересы личные должны уступать перед интересами общественными, до тех пор трудовая повинность будет встречать значительные препятствия особенно со стороны мелкой буржуазии. Поэтому ее проводить

придется не только одними мерами идейного и морального воздействия, но также необходимы будут меры принуждения. Бывший буржуа, купец, спекулянт или тот рабочий, который вместо того, чтобы заниматься честным трудом, обольщается прелестями спекуляции и мешечничества и бросает завод, все они становятся врагами социализма, если вместо производительного труда занимаются мешечнической спекуляцией, в таких случаях необходимо пускать в ход меры принуждения и наказания. Язвы на своем теле рабочий класс не может оставить, а это язвы капитализма. Итак, мы видим, что в переходный период от капитализма к социализму, поскольку рабочее государство переходит от товарного частного производства к обобщественному, наемный труд должен смениться *обязательным трудом или трудовой повинностью* и только тогда можно широко развить строительство народного хозяйства. Поэтому трудовая повинность это не „полицейская мера“ а необходимый исторический этап в развитии материально-производственных форм социализма. Через классовую диктатуру пролетариата, мы идем к отрицанию самой диктатуры и к уничтожению классов, через трудовую повинность мы придем к свободному труду. Через трудовую повинность мы идем к социализму.

Штрихи будущего.

В заключение я считаю необходимым набросить несколько штрихов будущего труда в комму-

нистическом обществе, к которому человечество движится гигантскими шагами.

Какой будет труд в будущем обществе?

Над этим вопросом ломали головы многие лучшие люди. Греческий философ Платон, гениальный английский утопист XVI-го века Томас Мор, почти его современник монах-домениканец Компанелла, безмолвно перенесший за свои великие идеи беспрерывную сорока двух-часовую пытку иезуитов. Великие французские утописты XVIII и начала XIX столетия Сен-Симон, Руссо, Фурье, Прудон, глубокие ученые экономисты и революционеры пролетариата Маркса-Энгельс, их пламенные последователи Бебель, Люксенбург. Все эти борцы и смелые мыслители, прошедшие на экране истории многих столетий, в своей теории уделяли наибольшее место будущности труда. Каждый из них, разумеется, подходил к этому по разному. Утописты, начиная от Томас Мора и кончая Прудоном, создавали целые планы, по которым можно перестроить существующие формы труда. Сторонники классовой теории Маркса не создавали планов, по которым современники обязаны приступить к перестройству существующих отношений, а проповедывали только борьбу за освобождение угнетенных рабочих от угнетателей капиталистов. Они таким образом, вели борьбу сначала за условия, при которых можно было-бы строить новые формы общества; а добившись этого, пролетариат создает и планы и их воплощение.

Но плохой тот кот, который отказывается ловить мышей и плохой был-бы тот коммунист, кото-

рый отказывается от об'яснения самого коммунизма. Поэтому Маркс и его последователи посвятили не одну страницу толкованию коммунистического труда и особенно его отличительному характеру от капиталистического. После Парижской коммуны и примеров русской и венгерской революций, будущее общество из туманных утопий превращается в реальное существо, покрывающее собой весь мир. Показываются и первые побеги будущего труда. Они показывают, что труд при социализме (а позднее, когда уничтожится вообще частная собственность) коммунизме, будет добровольный, свободный и равный. Люди всего общества, соответственно своим способностям и потребностям будут одинаково трудиться, совершая общественно-необходимую работу. Здесь не будет никаких различий „грязного, низменного или благородного, высокого труда", как это было в рабовладельческом и капиталистическом обществе.

Всякий труд, раз только он облегчит жизненный процесс существование рабочих, является величайшим. Как уничтожается классовая мораль после уничтожения классов, уничтожается и деление на эстетические категории труда. Трудовое равенство положит основание тому, что всякая работа будет благородная и великая, раз она необходима для существования человека, будет ли то великое творение архитектора-строителя, обработка нивы или чистка гнилых клоак. Как первая является необходимой для духовного существования человека, так и последняя для физического сохра-

нения от заразы эпидемических болезней. Та и другая работа одинаково важны и необходимы, значит и этически одинакова приятные для всех.

В коммунистическом обществе труд будет величайшим наслаждением не только потому, что плоды его будут использованы для расширения благосостояния, но он будет сам величайшей музыкой бытия. Когда общество совершенно освободится от старых основ частной собственности и восторжествует высшая форма равенства, тогда труд будет не только великим моральным долгом каждого живущего, но он также станет воплощением индивидуального творчества. Труд станет тем предметом, который не только органически будет приспосабливать сырую, дикую материю, но он станет великим олимпием, где будут происходить турниры, соревнование одной личности с другой. Тогда труд и искусство сливается вместе, а борьба за существование превращается в процесс величайшего развития науки и техники. С этого момента наступает эпоха величайшей свободы, каждая личность, на основании общественного равенства, может выявлять свою индивидуальность.

Анархисты-индивидуалисты часто возражали против коммунизма, доказывая, что будто-бы при коммунизме личность угнетается общественной силой. Это неверно. Такие возражения основаны на предпосылках буржуазной идеологии. Буржуазия, создавая свои классовые организации, угнетает рабочих. Личность не только рабочего, но даже и интеллигента угнетается, обезличивается машинной эксплоатацией, поэтому анархисты считают, что и

при коммунизме будет порабощаться личность. Наоборот, коммунистический труд это самый свободный, какой только мыслим в человеческом обществе. Стихия внутренней анархии капиталистического производства, буря кризисов и кровавые ураганы империалистических войн, увлекающие иногда целые народы в пропасть нищеты, экономического и культурного разрушения, при коммунизме будут неизвестны человечеству. Там все законы общественного развития явятся послушными слугами и они будут управлять ими как рычагами двигателя.

Нет сомнения, что пролетариату придется еще долго и упорно бороться, пока он не добьется коммунизма. В настоящий момент, ему только удалось захватить власть в свои руки в одной России, в стране капиталистической, менее развитой чем западная Европа. Попытка венгерских и баварских рабочих установить советский строй не удалась и они временно разбиты белогвардейскими силами контр-революции. В других более крупных странах Европы и Америки свирепствует железная диктатура военной клики, захватившей во время пятилетней войны в свои руки всю фактическую власть. Трудящиеся массы должны будут пройти этапы жестокой гражданской войны прежде, чем захватят власть в свои руки.

Но все эти трудности не остановят международный пролетариат. Борьба труда с капиталом началась и она будет доведена до конца.

Главная задача свергнуть диктатуру буржуазии и захватить власть, а период дальнейшего раз-

вития, как бы он был не трудный и сравнительно медленный, для трудящихся облегчается классовым господством и экспроприацией капиталистической частной собственности.

Примером служит опять-же Россия. С одной стороны разоренная господством царской бюрократии, войной, с другой—истощенная голодом, блокадой англо-французского флота, атаковываемая европейской буржуазией с моря и суши, она все-же ни на пядь не уступает своих революционных позиций, а во внутреннем строительстве мы наблюдаем ясные признаки нарождающегося подлинного коммунизма.

Параллельно с развитием народного хозяйства, транспорта и введением трудовой повинности, появляется и добровольный труд—коммунистические субботники.

Субботники—это величественный подвиг русской революции, они доказательство той беззаветной самоотверженности, с которой борятся трудящиеся массы за коммунизм. Субботники такое явление, которое размежевывает глубокой пропастью пролетарскую революцию от революции буржуазии XVIII и XIX столетий. С первых шагов развития пролетарская революция уже таит в себе все принципы коммунизма.

Субботники показывают, что пролетариат умеет ставить общественные интересы выше своих личных.

В развитии коммунистического общества, субботникам предстоит громадная роль, они окажутся чистилищем, через которое человечество очистится от всех грехов частичной собственности.

Для коммунизма мало завоевать власть, экспроприировать капиталистов и земельных собственников, для него необходимо изменить всю природу собственника, с его эгоистическими принципами „каждый сам за себя, один Бог за всех".

И она изживается, как только пролетариат превращает капиталистический способ производства в общественный. Добровольный труд коммунистических субботников, первоначально был только делом партийных коммунистов, но вполне прав, как всегда, оказался вождь мирового пролетариата Н. Ленин, когда указал, что коммунистические субботники есть „великий почин" коммунизма. За истекший, первый год своего развития субботники быстро превращались из партийного явления в массовое, увлекающие все больше широкие массы трудящихся. Количество участников беспартийных теперь уже превышает партийных. Возьмем пример развития коммунистических субботников в Москве за год.

Количество участников на Московск. коммунист. субботн. за год.

1919 г.	Коммунист.	Беспартийн
Май	781	—
Июнь	653	—
Июль	1.510	308
Август.	3.336	815
Сентябрь	5.022	1.750
Октябрь	3.219	169
Ноябрь	9.830	6.098
Декабрь	7.623	9.063

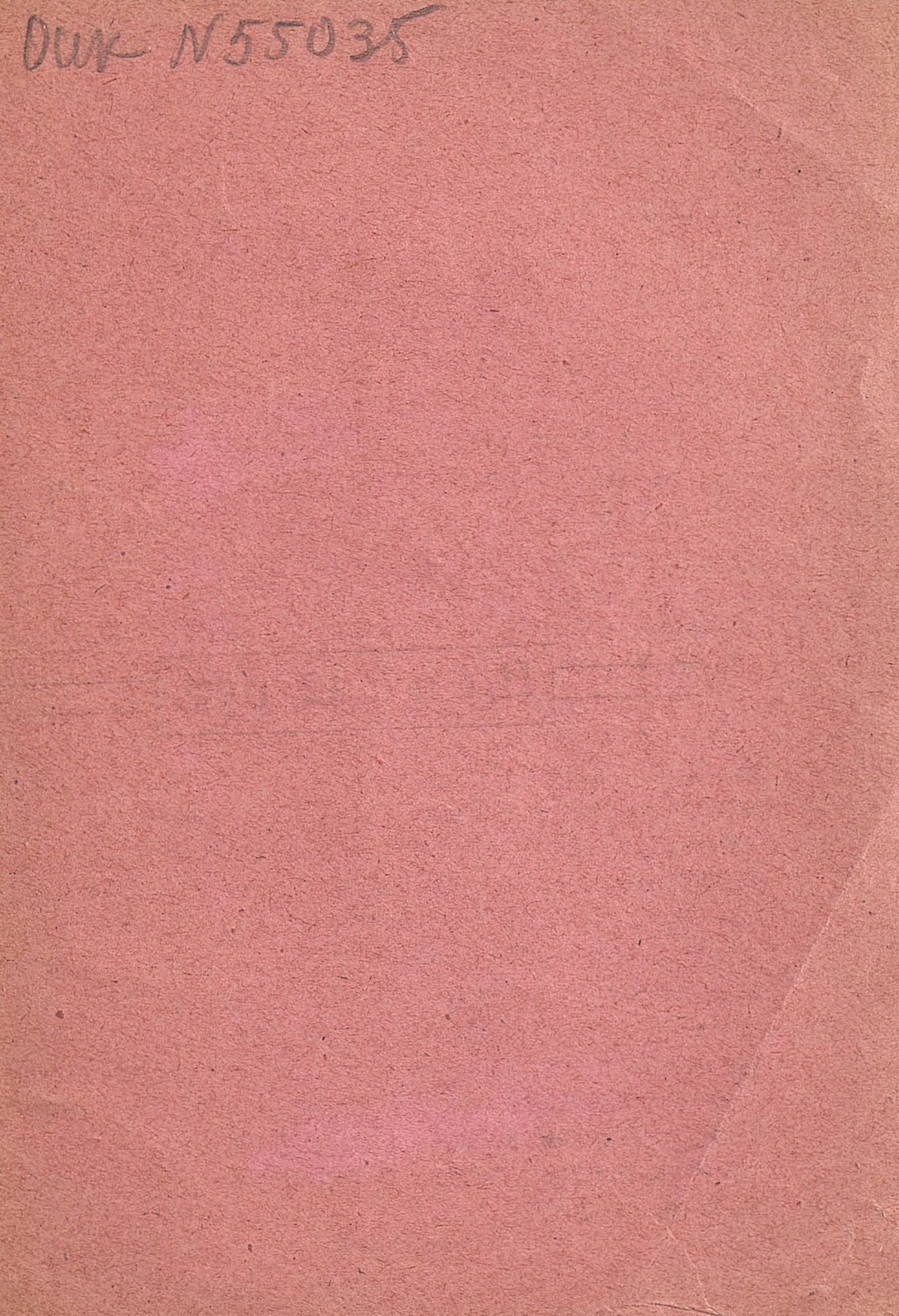
1920 г.		
Январь	10.652	24.747
Февраль	15.026	26.564
Март	11.308	21.819
Апрель	13.071	16.246
Итого . . .	82.031	107.576
Всего . . .	189.607	

Из данной таблицы видно, как цифры беспартийных участников растут с каждым месяцем и к концу года уже превышают на 25.575 человек.

Статистика субботников в провинции в общем совпадает с таблицей Москвы. Субботник становится долгом каждого честного, сознательного рабочего.

Из рабочих центров субботники перебрасываются и в деревню. Среди крестьян они принимают такой же массовый характер, особенно весной и осенью, когда в сельском хозяйстве предстоит напряженная работа. Сотни десятин земли в этом году, преимущественно принадлежащей семьям красноармейцев, обработаны в коммунистические субботники. „И камень, оторвавшийся от горы, покроет весь мир“ гласит изречение библейских пророков. Субботники в своем развитии постепенно будут превращаться в свободный коммунистический труд.

Организацией трудовой повинности с одной стороны, развитием добровольных субботников, с другой — пролетариат придет в подлинное царство свободного труда.

N55035

Цена 12 руб.